

КАРЕН
ХОКИНС

*Майна
шотландской
принцессы*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Coe)-44
X70

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Karen Hawkins
THE TAMING OF A SCOTTISH PRINCESS

Перевод с английского *И.Г. Ирской*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства Pocket Books, a division of Simon & Schuster Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Хокинс, Карен.

X70 Тайна шотландской принцессы : роман / Карен Хокинс ; [пер. с англ. И.Г. Ирской]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-090393-1

Знаменитому путешественнику Майклу Херсту стало известно, что загадочный амулет, за которым он давно охотится, хранится в Шотландии, на острове Барра. Вместе со своей ассистенткой Джейн Смит-Хоутон молодой ученый отправляется на север страны, где обычно решительная, целеустремленная девушка меняется на глазах.

Чего она боится? О чем тоскует?

Майкл не сомневается: в прошлом Джейн скрыта тайна, связанная именно с островом Барра. И эту тайну он намерен раскрыть любой ценой.

Однако очень скоро профессиональное любопытство превращается в интерес к самой ассистентке, в которой он только теперь разглядел юную красавицу, словно созданную для любви и счастья...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-090393-1

© Karen Hawkins, 2012

© Перевод. И.Г. Ирская, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

*Дворец Уайтхолл
Весна 1685 года*

— Дочь моя, ты девица, и я не допущу, чтобы ты участвовала в сражениях.

Мейри Макгрегор, стоя рядом с отцом в Банкетном зале дворца Уайтхолл, ответила ему взглядом, полным гнева и разочарования. Да, она девушка, но, черт возьми, разве это причина, чтобы оставлять ее здесь, когда все родственники утром отправятся домой?

Что из того, что девушка, которую брат Роб вырвал из рук голландского адмирала Питера Гиллза в аббатстве Святого Христофора, — дочь короля Якова и сейчас направляется в Кэмлохлин? Если враги принцессы бросятся за ней в погоню и нападут на родной дом Мейри, то она хочет быть там и вместе со всеми отражать нападение.

Но существовала более важная причина ее нежелания оставаться в Англии. И дело не в том, что здесь настоящее пекло, не в том, что аристократы, сидящие рядом с ней под огромными фресками художника-протестанта, свысока смотрят на ее горский наряд и нелепые манеры.

— Отец, если этот голландский адмирал нападет на Кэмлохлин, я тоже хочу с ним сражаться!

Макгрегор с ужасом взглянул на дочь. У девушки обвалилось сердце.

— Не смей даже говорить об этом!

— Но вам известно, что я умею держать клинок! — запальчиво выкрикнула Мейри и заступила дорогу отцу, когда тот хотел пройти мимо.

Да, она владеет оружием и не робеет перед врагами. Ей не раз случалось отвечать ударом на удар, и вовсе не на тренировочной арене в доме отца. Но разве может она признаться, что вместе с братом Колином состоит в мятежном отряде горной милиции, разбившем ковенантеров и камеронцев, шотландских адептов пресвитерианской веры? Эти фанатики стремились сделать свою доктрину единственной религией страны. Многие из пресвитерианцев заседали в парламенте и полагали, что горский обычай подчинения главе клана — это варварство.

— Ты отказываешь, потому что я женщина!

— Да, черт возьми! — громче, чем намеревался, прорычал Макгрегор и перевел горящий взгляд на лорда Оддингтона, который с удивлением оглянулся на шум. — Ты останешься здесь, — чуть понизив голос, добавил он. — И Колин тоже. Я знать не знаю, куда вы мотаетесь дома, но здесь с этим будет покончено.

Мейри удивленно округлила глаза: значит, он что-то подозревает! — но продолжила уговоры:

— Но я...

— Все, Мейри, я не изменю решения. — Его взгляд смягчился. — Ты моя дочь, и должна подчиниться. Останешься здесь, пока не минует опасность. Тогда и вернешься. Я люблю тебя и сделаю все, чтобы уберечь.

Он развернулся и направился к жене, которая расположилась в дальнем конце зала, а Мейри осталась кусать губы и проклинать женскую долю.

Черт возьми, она не собирается сидеть и покорно смотреть, как все самое важное в жизни проходит мимо.

Мейри была единственной дочерью Каллума Макгрегора, а потому ей не досталось той изнурительной военной подготовки, которая заполняла детские годы трех ее братьев, но девушка все же овладела клинком и умела натягивать лук.

Да, она может и хочет сражаться!

Однако так было не всегда. Когда-то, давным-давно, Мейри вполне устраивала мысль, что ее собственная жизнь пройдет так же, как прошла жизнь матери, — под защитой храброго воина и в ореоле его любви. Ей мечталось о спокойной жизни рядом с избранником, который до конца дней будет говорить ей о том, как она хороша и желанна. В окружении деток, в доме, который построит для нее муж, где нежность и любовь будут важнее, чем войны из-за религии или политики.

Эти мечты породил в ней Коннор Грант, и он же развеял их в прах, когда, оставив Мейри, отправился служить протестантскому королю Карлу.

Она не видела Коннора семь лет. Выбросила из головы, из самой жизни. А сегодня он вернулся.

Мейри не оказалось в покоях отца, когда в Уайтхолл прибыл капитан Грант и сообщил ее родне о том, что голландцы напали на аббатство. Надеясь вскоре вернуться домой, она постаралась избежать встречи. И вот теперь выяснилось, что она никуда не едет.

Все эти годы, когда она усердно училась защищаться от любого оружия — даже от обмана, — не сумели подготовить ее к этому дню. Мейри хотелось ослепнуть, чтобы не видеть кумира своей юности, оглохнуть, чтобы не слышать его голоса. Но что бы это изменило? Она знала его лицо лучше, чем свое собственное. Она выросла, глядя на него, восхищаясь им. Узнавала любое из тысяч чувств, от-

ражавшихся на этом лице как в зеркале. Его глаза говорили яснее, чем любые слова, слетавшие с губ. Во сне Мейри все еще слышала его протяжный низкий говор — скорее мурлыканье льва, а не юношеская речь. Образ Коннора преследовал ее последние семь лет, и Мейри его за это ненавидела. Ненавидела за то, что полюбила в столь юном возрасте, когда еще не могла защититься и остановить себя. За то, что он забрал ее сердце, заставил мечтать о будущем, а потом отнял эти мечты и ушел, не оглянувшись.

Коннор Грант был той частью ее жизни, о которой Мейри предпочла забыть, но всегда помнила, как решительно выглядел Коннор в день, когда покидал Кэмлохлин, а она, дурочка, плакала по нему!

Теперь она не желает ни видеть его, ни говорить с ним. Мейри не знала, сумеет ли скрыть горечь, которая осталась в сердце, когда он бросил ее, бросил Шотландию, а возможно, и веру отцов.

Взгляд девушки не отрывался от входа. Он скоро появится здесь. Коннор был у короля. Совет, вероятно, уже закончился, и сейчас молодой человек должен направиться в Банкетный зал.

Мейри нервно сучила пальцами выбившуюся из юбки нить, пока не стало саднить кожу, но других признаков волнения не показывала, напротив — даже сумела улыбнуться приближавшейся к ней даме.

— Если леди Оддингтон продолжит липнуть к моему мужу, — произнесла мать Коннора, леди Клер Стюарт, останавливаясь подле Мейри, — я буду вынуждена выцарапать ей глаза.

Бросив на леди Оддингтон сочувственный взгляд, Мейри вздохнула.

— А ведь казалось, она станет вести себя осторожнее, после того как вы наступили на подол леди Чаннинг и едва не сорвали с нее юбку, — со смешком заметила девушка.

— То была леди Сомерсет, моя дорогая. А с леди Чаннинг слетел парик, когда я нечаянно зацепила его кольцом.

Мейри рассмеялась — впервые за этот вечер, — но взгляд тотчас вернулся к дверям и веселость ее покинула.

— Ты не должна на него сердиться, — тихонько проговорила Клер. Разумеется, она имела в виду отца Мейри, ибо леди Клер уже давно оставила попытки оправдать сына в глазах Мейри.

— Клер, вы же знаете, я умею сражаться.

— И все же ты должна ему повиноваться. Он тебя любит.

О Боже! Сколько раз в жизни она слышала эти слова! Конечно, она знала, что отец любит ее, но ведь сыновей он тоже любит, однако позволяет им сражаться!

— Я останусь с тобой, если тебе от этого будет легче.

— Будет, — призналась Мейри. Если уж нельзя ехать домой, то лучше иметь рядом друга. Клер, потерявшая в родах четырех дочерей, опекала Мейри и относилась к ней словно к собственному ребенку. Когда Коннор оставил ее, Мейри решила подражать именно такой женщине, как Клер. До того как украсить своей персоной величественные залы Уайтхолла и получить титул леди Хантли Абердин, Клер была мятежницей и боролась против узурпаторов, отнявших трон у ее кузена Карла. Именно она посвятила Мейри во все тонкости боевого искусства. Но теперь, глядя на ее темно-бордовое платье, пышные локоны соломенного цвета, по-старомодному убранные от лица и лежавшие на голове пышной короной, никто не мог бы даже вообразить, что эта женщина способна держать в руках клинок.

— Я знаю, ты не желаешь говорить о нем... — Мэри крепко затянула нитку на пальце. Черт возьми, лучше бы мать Коннора все же уехала! — Но, возможно, вы двое...

Больше Мейри ничего не услышала — лишь гул голосов на балконе и раскаты грома, сотрясавшего стены, — и нико-

го не видела, кроме мужчины, возникшего в проеме дверей. О Боже! Как случилось, что он стал еще красивее?

В отличие от придворной шушеры, вырядившейся в шелковые камзолы и туфли на высоких каблуках и с огромными бантами, Коннор был одет в бриджи цвета буйволовой кожи, туго обтягивавшие его мускулистые ноги, и военные сапоги. На одном бедре болтались ножны с клеймором, на втором — кобура с пистолетом, что придавало его облику властный и грозный вид. Он стоял чуть в стороне от других и был похож на хищника в засаде — гибкого и уверенного в успехе. Сейчас он казался воплощением двух своих ипостасей — его английское королевское начало являло себя в высоком росте и элегантности, а мощной костью и внушительной основательностью фигуры Коннор был обязан крови шотландских горцев в своих жилах. Шляпу военного образца со страусовыми перьями он держал под мышкой, отчего волосы янтарного цвета свободно падали на острые скулы. Ширину плечам под красно-белым коротким мундиром придавали прекрасно развитые мышцы, а не модные складки гофрированных рукавов.

Мейри в молчаливом бессилии могла лишь наблюдать, как он приветствует лорда Холлингсуорта и его жену. Сейчас Коннор выглядел старше, и явно стал опытнее в тех вещах, которые она, возможно, никогда не поймет. Но его улыбка осталась прежней — чарующей, игривой и чувственной одновременно. Любая девица, имевшая глаза, не устояла бы перед ней, а две ямочки — правая глубже, а левая меньше, — усиливали обаяние этой улыбки, возникавшей на его лице при малейшем поводе. Но лишь до момента, когда глаза Коннора, прячущиеся под золотистыми прядями волос, нашли Мейри и пронзили как два кинжала. Нитка в ее пальцах лопнула.

— Ну как, попробуешь, Мейри?

Девушка недоуменно взглянула на Клер. Попробуешь — что? Не признаваться же в том, что она оглохла при появлении Коннора! Мейри кивнула:

— Да, конечно.

— Благодарю, дорогая. Для меня это очень важно. — Клер наклонилась, чтобы поцеловать девушку в щеку, взяла за руку и потянула.

Черт возьми! Мейри уперлась каблуками в паркет, осознав, куда именно тащит ее подруга, но та упорствовала.

Зал вдруг показался ей крошечным, а ноги — тяжелыми. Мейри двигалась словно в расплавленной патоке. С каждым шагом, приближавшим ее к Коннору, дурнота усиливалась. Девушке хотелось вырваться и убежать без оглядки. Да это просто смешно! Она никогда и ничего не боялась! Ей трижды случалось очертя голову бросаться в самую гущу стычки, когда отряд горной милиции врывается в логово врагов. Да как смеет Коннор приводить ее в такое состояние — ладони увлажнились, дыхание стало прерывистым, сердце бешено заколотилось в груди? А смеет потому, что когда-то заставлял ее улыбаться, мечтать, надеяться... Столько лет Мейри дышала им одним, а когда он уехал, разучилась дышать. Но потом превозмогла себя. И теперь намерена дышать свободно!

Облегавшая его фигуру форма вызывала отвращение у Мейри, но девушка не могла отрицать, что в ней Коннор выглядит куда импозантнее, чем в традиционном наряде горца, который носил в Шотландии.

И судя по количеству круживших вокруг него дам, при дворе внешность Коннора одобряли. Разглядывая придворных красавиц, Мейри невольно задавалась вопросом, сколько этих английских шлюх, внешне таких чопорных и приличных, побывало в его постели, с тех пор как он покинул Кэмлохлин. Должно быть, немало, если верить слухам, которые время от времени долетали из Англии в Шотлан-

дию. Как он мог пренебречь ее сердцем ради этих кукол? В чем причина? В облегających нарядах, раскрашенных — набеленных и нарумяненных — личиках? Ублюдок!

— А вот и ты! — Коннор наклонился, чтобы поцеловать мать. Клер взяла сына за руку.

От слабости у Мейри едва не подогнулись колени. Как он близко!

— Мисс Макгрегор, — выпрямившись, произнес Коннор. Произнес без улыбки, но и не хмуро.

— Капитан, — холодно отозвалась Мейри.

Ей показалось, что с годами его челюсти под трехдневной щетиной, отвердели, в них появилась суровость. Или суровость относится лишь к ней одной?

— Будь осторожен с леди Холлингсуорт, — слегка подалась к сыну Клер, провожая взглядом известную распутницу, которая виляющей походкой направлялась к мужу. Синие, как у Коннора, глаза Клер сверкнули бешеным синим огнем. — У этой кошечки есть коготки.

— Не беспокойся. — Его дыхание коснулось щеки Мейри. — Я равнодушен к когтям.

Мейри поджала губы и едва сдержалась, чтобы не фыркнуть. Слова Коннора доказывали, что он действительно превратился в повесу, каким его расписывали в сплетнях. Пусть она ничего для него не значила, но и все эти шлюхи — тоже. Мейри с гордостью отметила, что даже не вздрогнула, когда его холодный взгляд задержался на ней лишнюю секунду.

— Вы что-то сказали, мисс Макгрегор?

— Нет, капитан, пока ничего.

В глазах Коннора мелькнули странные искры, но тепла в них не было.

— Что же, Мейри, по крайней мере ты последовательна.

— По крайней мере хоть один из нас последователен, — парировала девушка, подражая холодному тону Коннора.

На его лице возникла ледяная усмешка.

— Вижу, твой язычок такой же острый, как и клинок.

Его рассеянный взгляд пробежал по ее юбкам, и Мейри ощутила болезненный спазм в животе. Черт возьми, она не желает стоять тут и вести светскую болтовню с этим человеком! Она только-только сумела забыть Коннора, выбросила из головы, научилась жить без него, а теперь эта встреча вернула воспоминания. Когда-то Мейри мечтала лишь о том, чтобы стать его женой, но с этими мечтами она впоследствии сражалась так же яростно, как и с уничтожением привычного образа жизни в Шотландии. Именно из-за Коннора Мейри стала воительницей — вернее, настоящим воином.

Стены дворца опять содрогнулись от мощного раската грома. В этот момент Коннор снова поймал ее взгляд. Защищаясь, Мейри по привычке бросилась в нападение.

— А скажите, капитан Грант, вы всегда появляетесь в блеске молний и грохоте грома?

Он поклонился на английский манер, что еще сильнее уязвило Мейри.

— Только когда моего появления ждете вы.

Мейри невольно вспомнила о кинжале, привязанном к бедру, но с сожалением поняла, что не может убить его прямо на глазах у матери. С натянутой улыбкой она обратилась к Клер:

— Мне надо найти Колина.

— Прошу прощения, мисс Макгрегор, — произнес рядом с Мейри знакомый голос с безупречным английским выговором. Да, вечер преподносил все новые неприятные сюрпризы. Мейри одарила любезной улыбкой Генри де Вера, сына графа Оксфорда. Тот поклонился обеим дамам. Мейри познакомилась с ним сразу, как только ее родственники прибыли в Уайтхолл. Молодой человек до тонкостей знал все, что происходит во дворце, и потому

Мейри проводила в его обществе немало времени. Появись в Уайтхолле кто-нибудь из пресвитериан, Генри сразу бы проведал об этом. Однако в последнее время Мейри стало казаться, что они слишком часто бывают вместе. Юноша следовал за ней, как щенок за хозяйкой, и у нее почти не было возможности тайком навещать гостевые апартаменты, собирая сведения, ценные для отряда горной милиции.

— Я надеялся переговорить с вами до того, как уберут со стола, и пригласить вас на первый танец.

— Ну разумеется, лорд Оксфорд. — Мейри тотчас сообразила, как с его помощью отделаться от своих собеседников, и взяла юношу под руку. — Но помните: я знаю только один придворный танец — тот самый, которому вы меня научили.

— Тогда позвольте научить вас еще дюжине! — Лорд Оксфорд поднял взгляд на Коннора и дерзко положил ладонь на кисть Мейри. — Разумеется, если вы уже не дали обещание кому-нибудь другому.

Коннор ответил ему натянутой улыбкой и отступил с их пути.

— Сегодня она в вашем распоряжении.

Мейри хотелось как следует дать ему по щеке, а потом и себе. Почему его равнодушное разрешение отозвалось такой болью в груди? Она прекрасно знает, что он ее больше не любит. Черт возьми, ни один мужчина не способен помнить возлюбленную целых семь лет! Но неужели он действительно стал таким черствым?

— Если бы и дала... — Внутри у Мейри все кипело, но она заставила себя говорить самым сладким тоном, на какой только была способна. — ...если бы и дала, капитан Грант лучше других смог бы понять меня, нарушь я свое обещание.

Ей хотелось убедиться, что укол достиг цели, хотелось причинить ему боль, отомстить за все слезы, выплакан-

ные из-за него в подушку, но Коннор ответил ей светской улыбкой, словно был знаком со всеми уловками смертных и они его забавляли.

— О, я не только понял бы вас, — проговорил он, — но и стал бы ожидать подобного.

Дюжина проклятий готова была сорваться с ее языка, но Мейри сдержалась и позволила лорду Оксфорду ее увести. Она не станет выказывать никакого интереса к Коннору, сделает вид, что его нет в зале, — отличный прием против тех, кого Мейри ненавидит. А Коннора она, без сомнения, ненавидит.

Глава 2

Коннор смотрел вслед Мейри, удалявшейся в сопровождении разряженного кавалера, и едва сдерживал ругательства, готовые сорваться с языка. Хотелось дать ей пинка под зад, чтобы улетела подальше! Если она собирается бранить его еще пятьдесят лет, Бог ей в помощь! А если хочет танцевать со всеми придворными щеголями без разбору, пусть пляшет! Он потратил достаточно лет, увиваясь вокруг нее, теперь она больше ему не принадлежит, так что пусть делает все, что хочет.

Но, черт возьми, думал Коннор, наблюдая, как Мейри и Оксфорд становятся в круг танцующих, он в жизни не видел более красивой девушки, а за эти годы она расцвела, как горная роза. Мейри отличалась от любой другой женщины во дворце. В своем неуместном горском наряде она держалась с величественной грацией королевы. Подбородок вздернут, во взгляде — унаследованный от отца гордый вызов. Годы ничуть ее не изменили. Длинные черные локоны спадают на грудь. Все так же играют в них отблески света. А кожа и теперь безупречна, как в пятнадцать

лет. Вот только глаза, синие, как небо над Кэмлохлином, словно заледенели.

Сверху, с балкона, летела музыка, пробуждая в нем воспоминания о проведенных здесь долгих днях перед походом в Гленко, куда Коннора с отрядом послали мирить кланы Макдоналдов и Кэмпбеллов. Коннор не хотел сюда возвращаться: отчасти потому, что на коронацию собиралась прибыть Мейри, но еще и потому, что никогда настоящему не любил пышность и роскошь королевского дворца. Он горец, и ему тяжело мириться с фальшивой любезностью избалованных вельмож.

Вот и сейчас он уже начал тосковать по Шотландии, хотя вернулся оттуда всего неделю назад. Лучше лежать в своей палатке на твердой холодной земле, чем хоть день провести здесь, рядом с ними... с нею, в основном, конечно, с нею. Коннор был благодарен судьбе за то, что утром Макгрегоры возвращаются домой.

Тогда, много лет назад, он не хотел уезжать из Шотландии, не хотел покидать Мейри. Он любил обеих, но выбора у него не было. Как дальний родственник короля — четвероюродный кузен — он был обязан служить ему от имени своего клана. Он не отказался от этого долга, а принял его с гордостью. В конце концов, в его жилах текла кровь воинов. Его отец, командир доблестного гарнизона Макгрегоров, вместе с матерью рисковал жизнью ради того, чтобы вернуть Карлу его престол. Его дядя и тезка, верховный адмирал Коннор Стюарт, бросил вызов генералам, оказался в Тауэре и принял муки.

Сейчас настал его час защищать трон. Коннор безропотно подчинился долгу, но Мейри так и не простила его за то, что он оставил ее ради службы протестантскому королю. Коннор писал ей, звал к себе в Англию, но она неизменно отвечала отказом. У него не осталось другого выхода, и он вернул ей слово. Мейри сама этого хотела,

даже заявила, что это ее осчастливит. Коннор заставил себя забыть о ней, держался подальше от Кэмлохлина и остался в армии, даже когда назначенный срок его службы королю Карлу истек.

— Я надеялась, что ваше примирение пройдет лучше...

Коннор опустил взгляд на лицо матери и криво усмехнулся, отбрасывая прочь мысли об этой встрече.

— Такая надежда принесет вам одно только разочарование. Оставьте ее.

Мать бросила на сына сочувственный взгляд и посмотрела на танцующих.

— Она остается здесь.

— Что?! — выкрикнул Коннор, не сумев сдержать изумления.

Леди Клер понизила голос.

— Каллум не хочет брать ее с собой в Кэмлохлин. Боятся, что голландцы явятся туда за королевской дочерью. Колин тоже останется. По той же причине.

— И что это за причина?

— Страсть обоих к оружию.

Взгляд Коннора потемнел.

— Черт возьми! Значит, ты учила ее драться даже после того, как я... и ее отец просили тебя прекратить?

— Ничего нет дурного в том, чтобы владеть клинком. — Мать ответила ему вызывающим взглядом.

— За исключением того, что клинок на тренировке — это одно, а в бою — совсем другое. Мейри не подозревает об этом, иначе ей и в голову бы не пришло сражаться с людьми, которые только что перебили всех до единой монахини в монастыре.

Леди Клер жалостливо вздохнула, но, увидев пробирающегося через толпу мужа, посветлела лицом.

— Коннор, дорогой, с тех пор как ты уехал, здесь многое изменилось. — Молодой человек не успел осмыслить это